Как часто наши бабушки, не чая души, предостерегают, защищают нас и наше будущее. Но разве слушаем мы? Нет, мы идем своим путем, жаждем поступков, порой необдуманных, ошибочных. Хранящая любовь маминой мамы так нежно явлена в стихотворении Василия Ивановича Белова «Осина»:

Говорила мне в детстве бабка:
— Иисуса Христа не мучай.
Не бери в кузовок обабки
Под проклятой осиной, внучек.
На осине висел Иуда,
А была она тихой, строгой
И спокойной была, покуда
Не пришел к ней отступник Бога.
С той поры и шумит осина,
И на Господа ропщет глухо.
...На руке скрипела корзина,
И крестилась моя старуха.
Я не верил библейским сказкам
Суеверной и доброй бабки.
И нарочно, хотя с опаской,
Под осиной искал обабки.

Мы самонадеянны и все еще считаем, что знаем лучше тех, кто на множество ступеней выше на лестнице, ведущей к спасению. Как старается отвести предстоящие трудности и невзгоды бабушка от внука в семейном и пророческом стихотворении, как заботливо просит не трогать всего, что выросло под иудиным кро-

вом, напоминает, что жизненный лес большой и каждый может отыскать себе и древо, и дары; главное только — не прельститься предательскими подношениями в красноватых шляпах.

Снова купол небесный, синий
И поскотин лесных просторы.
Слышу вновь: шелестит осина,
С тишиной вековечной споря.
Я сижу под мятежной кроной
И готов до рассвета слушать
Тихий звон чешуи зеленой,
Дорогой, бередящий душу.
Словно чудятся в звоне этом
Скорбных дедовских песен звуки,
Средь родимых полей пропетых
Про большие труды и муки.
И осина шумит, как прежде.
Угадать бы, чего ж ей надо?
Иль у ней не сбылись надежды,
Или новому дню не рада.
Я хочу, чтобы шум тревожный
Был со мною десятки весен,
Чтобы был на него похожим
Ритм шагов моих, дум и песен.

Как правило, писателя создает трагедия или трагедии, и в этом стихотворении 1957 года эта жажда отыскания себя в окружающем мире, вступая в противоречия с ним и пытаясь подчинить его себе, есть и у Белова. Желание жить своим умом овладевает автором, он требует всего, что может дать смятенная молодость. В этом своенравии автор словно желает повторения пути своих предков, что само собой перекликается со стихотворением 1961 года «Дед»:

Был мой дед нелюдим,
молча землю пахал
и рубил молчаливо
клетины по селам,
а садясь на шабаш,
самосадом своим полыхал
да улыбчиво слушал
балагуров веселых.
И никто не слыхал
от него никогда
богомерзкого слова
ни в труде, ни в застолье...
Ковыляли года,
и седела уже борода,
как трава-белоус,
что под осень белеет на поле.
Но когда у Столыпина и у царя
зародилась идея
послать мужика к Енисею,
дед впервой на веку
матюгом завернул, говоря:
«Я вот, так вашу так,
напашу вам, прохвосты, насею!»
Уложил сухари,
инструмент наточил,
заскорузлой ладонью
слезу мутноватую вытер:

«Чуешь, мать, не реви,
говорят, помолчи!»
и ушел с мужиками артельными в Питер.

Белов в этом стихотворении словно сам предостерегает себя от непослушания, но непослушания кому? Власти? Возможно, но главное, он выводит нам всем знакомое сочетание, которое хранит опасность. Столица и Сибирь, это уравненное противопоставление, похоже на народную русскую пословицу: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся...», и если в различных трактовках сума в пословице обозначает нищету, то тюрьма — несправедливость, то есть к бедности может привести столичный или большой город своим развратом, что впоследствии ведет по тракту, на каторгу, в Сибирь, а все от несогласия с наделенными властью.

Замахали
над русской землей топоры,
размочалились путы мужицкие,
словно размокшие вожжи,
только жаль, что мужик вологодский
до этой поры,
хоть и крепким и жилистым был,
а не дожил.
Придавило стропилиной...
На погост
на казенной телеге
повезли в домовине из теса.
Не послушал начальство,
не поехал в Сибирь древотес,
но и в Питере тоже
не климат, видать, древотесам.

Белов крепко усвоит и наставления бабушки, и промахи деда, он навечно останется жить на родной Вологодчине, восстановит храм, и спокойно уйдет по бабушкиной лестнице к спасению, словно подтверждая сказанное в Евангелии от Матфея глава 13, стихи 4–8: *иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.*

Вообще обращение к старшему поколению будет и далее не оставлять Белова в стихах, и это не удивительно. Как и многие другие его сверстники, Белов лишился отца, погибшего во время Великой Отечественной войны, поэтому тяжкая участь вечных деревенских солдаток никогда не покинет Василия Ивановича:

ЗНАКОМАЯ

Я снова хожу по тропинкам
Лесов вологодских, полей;
Волнуясь, зашел по старинке
К давнишней знакомой моей.
Люблю я бревенчатый домик
У самой реки, за селом;
Плетнем огороженный дворик
И грядки под светлым окном.
В приземистом домике этом
Старушка Петровна живет,
В детсаде работает летом,
Зимою куделю прядет.

Бывало, зайдешь на ватрушки, —
Петровна и рада вдвойне
(Единственный сын у старушки
Без вести пропал на войне).
И вот я опять у Петровны;
Как прежде, несказанно стар,
Мурлыкает тихо и ровно
За нашим столом самовар.
— Ну, как поживаешь, соколик, —
Спросила Петровна меня, —
В солдатах который уж годик,
А воля ведь там не своя.
— Такая уж, бабушка, служба,
Не мешкай и в оба гляди,
Служить обязательно нужно,
Иначе, — сама посуди?!
— Ох, надо, родимый, еще бы,
Да люди-то вон говорят,
Такие придуманы бомбы,
По-страшному, чуешь, палят.
Петровна глубоко вздохнула
И чай нацедила в стакан,
Передником слезы смахнула,
Промолвила: мой-то Иван...

Березы купались в закате,
Дымил за деревней овин;
Я думал о павшем солдате,
Защитнике этих равнин.
Петровна меня проводила,
Сказала в напутствие мне:
Начальников слушайся, милый,
В чужой не женись стороне.
Я завтра опять распрощаюсь
С тропинками хлебных полей,
Уеду спокойную старость
Хранить для знакомой моей.

1957

От диалектически богатых стихов Белова исходит свойственное русскому человеку совестливое тепло; вроде бы и не сделал ничего плохого, а уже есть в чем покаяться — это от ментального осознания, понимания, что прожить безгреховно невозможно, так еще не свершив чего-то неприемлемого, можно и начать каяться, впрок, про запас, по-нашему, по-русски. Вообще именно эта черта, свойственная русским людям, заставляет нас молчать, а точнее замалчивать все то, что может показаться постыдным. Именно по этой причине наши прадеды и прабабушки замалчивали и замаливали все то, что принесло неукротимо горькое ленинско-сталинское время в их деревни, дома, сердца. Об этом молчали долго, и лишь тихая грусть в беловских стихах может являться предтечей той писательской грозы, которая пройдет и разорвется шаровой молнией в его произведениях.

Гениальный композитор и философ Георгий Васильевич Свиридов писал: «*Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть — вот что Россия принесла в мировое знание. А ныне — есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории и выдать за нее нечто совсем другое*». У Белова фактор совести, о котором мы столько говорим в наши дни и так боимся утратить это принесенное в мировое знание чувство, выделен наиболее ярко и просто.

Первая книга стихов Белова оказалась единственной, вышла в 1961 году и ста-

ла предвестницей всего писательского наследия Василия Ивановича, но стихи он писал всю жизнь; так из душевной поэзии родилась гениальная проза, одна из самых чувственных в XX веке. Мне рассказал любимый народом поэт Владимир Андреевич Костров, что, когда они с Василием Ивановичем Беловым вместе работали над редакцией романа «Год великого перелома» перед новомирской публикацией, он прислал ему книгу своих стихов с запиской, в которой говорил, что доверяет Кострову и хочет знать его мнение. Через некоторое время Белов позвонил Кострову, и Владимир Андреевич сказал: «Василий Иванович, ваши стихи не надо редактировать. Это стихи простодушные, что очень любил Пушкин, и они могут оказаться интересны. Нет никакой ни интеллектуальной, ни чувственной зашоренности».

Скажи, спешишь куда,
Поток весенний мой?..
Бурлит твоя вода,
Как будто ты живой.
Под кроною сосны
Родился ты на свет,
И в дни своей весны
Узнал немало бед.
Бежал в кромешной мгле,
Не знал, куда свернуть,
Под снегом на земле
Изыскивая путь.
С трудом, что было сил,
Ты взял над снегом власть,
Окреп и вдруг пробил
Холодный твердый наст.
И вот уж ты теперь
Силен и говорлив,
Нет, верь или не верь —
Люблю я твой разлив!..
Час от часу смелей
Стремишься ты вперед,
Густая синь полей
Давно тебя зовет.
Трудись, работай, брат,
В движеньи смысл житья,
Нам нет путей назад,
Спешим и ты, и я.
Взгляни по сторонам, —
Вся жизнь полна борьбой;
Да и не надо нам
С тобой судьбы иной.
И счастье наше в том,
Что будет этот час,
Когда за труд добром
Помянут люди нас.

1957

Русский религиозный философ, теоретик славянофильства Иван Васильевич Киреевский писал: *«Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего христианского мира»*. По моему мнению, примером такой индивидуальной победы является жизнь и творчество Василия Ивановича Белова, и мы не просто свидетели этого действия, мы присутствуем на всемирном торжестве, когда читаем все сотворенное им.